

— Вы все не достойны жить на этом свете.

Холодный голос юноши прозвучал одновременно со звоном выхваченного клинка. Лунный свет отразился в остром лезвии, источая леденящее душу сияние. Юноша взмахнул рукой, и в одно мгновение десятки служанок и слуг во дворе Нинси расстались с жизнью.

Девушка с ужасом смотрела в глаза юноши. В этих глазах, прежде полных страха, теперь застыл пугающий, смертоносный блеск!

— Теперь твоя очередь.

Юноша отшвырнул ногой служанку, пытавшуюся защитить свою госпожу, и, сжимая клинок, шаг за шагом двинулся к ней. Будучи человеком немногословным, он, разумеется, не собирался проявлять ни капли жалости к той, чьи дни были сочтены. Вскоре лезвие в его руке полоснуло по белоснежной коже, и хлынувшая из горла кровь окрасила её светлое платье в алый цвет. Прекрасная, нежная красавица лежала теперь обезглавленной, глядя в небо остекленевшими глазами, полными невысказанного ужаса!

— А! Нет!

С тех пор как Чэнь Таотао попала в этот мир, переместившись в написанный ею самой роман, ей не раз снился этот кошмар.

Это была сцена, в которой главный злодей, восстановив память, вернулся, чтобы отомстить тем, кто издевался над ним, пока он был в беспамятстве. А она и была тем самым объектом мести — старшей дочерью в поместье герцога Чэнь, которая на людях притворялась кроткой и невинной, а за закрытыми дверями держала злодея в заточении и истязала его! В книге первым же делом, которое совершил злодей после возвращения памяти, стала кровавая расправа над её двором Нинси!

Но, к счастью, пока ещё не поздно. Чэнь Таотао вытерла холодный пот со лба и позвала ночную служанку.

— Минъюэ, куда ты устроила Чан Аня? Я хочу на него взглянуть.

— Барышня, не беспокойтесь, я связала его и бросила в дровяной сарай.

— Что? Ты заперла его в дровяном сарае?

— Барышня, успокойтесь. Наш дровяной сарай — самое уединенное место, никто, кроме людей из нашего двора, об этом не узнает.

Чэнь Таотао посмотрела на горделивое лицо Минъюэ, и у неё возникло непреодолимое желание дать той пощечину...

— Я же просила тебя найти для него хорошее место во дворе и как следует устроить! Почему ты заперла его в сарае? Почему связала? Почему...

— Барышня, погодите. Вы ведь так же просили меня устроить Цайюнь и Чжуюэ, разве смысл был не тот же самый?

Хм? Цайюнь и Чжуюэ? Кто это?

Мозг Чэнь Таотао лихорадочно заработал, и она наконец припомнила этот эпизод, придуманный ею много лет назад.

Это были две служанки, присланные её бабушкой — старой герцогиней поместья герцога Чэнь. Когда они только прибыли, обе были одеты в нежно-желтые платья, им было по двенадцать-тринадцать лет. Услышав, что их определили во двор к всегда доброй и мягкой старшей барышне Чэнь Таотао, они были вне себя от радости, и на их лицах всегда сияли милые улыбки. Но счастье длилось недолго. Чэнь Таотао не могла терпеть этих ярких, сияющих девочек, которые к тому же были красивее её самой. Она без труда находила поводы для наказаний, передавала их Минъюэ и говорила точь-в-точь те же слова, что и сегодня:

— Устройте их как следует, не разочаруйте меня.

До появления нынешней Чэнь Таотао никто не знал её лучше, чем Минъюэ.

Минъюэ поручала Цайюнь и Чжуюэ самую тяжелую работу, запирала их в темном, как могила, дровяном сарае, а за малейшую провинность жестоко избивала. После того как девочки несколько дней не ели ничего, кроме прокисшей еды, старшая из них, Цайюнь, решилась на побег. Но как могла Чэнь Таотао допустить это? Ради собственной репутации она без колебаний решилась на убийство. После случившегося она подожгла сарай, инсценировав несчастный случай: якобы девочки случайно опрокинули подсвечник и сгорели заживо!

Потом, на глазах у всех, она устроила целое представление, рыдая и сокрушаясь, что лишь просила Минъюэ обучить их правилам поведения, но никак не ожидала, что та заперёт их в сарае и это приведет к такой трагедии. Она и Минъюэ «смирненно» приняли наказание бабушки.

Видя её искренние слезы, окружающие не могли не проникнуться сочувствием и принялись утешать добросердечную барышню. В конце концов, дело было закрыто, когда Чэнь Таотао от переживаний упала в обморок.

Похоже, Минъюэ неверно истолковала её слова, решив, что она хочет расправиться с Чан Анем

так же, как тогда.

— Ладно, не вини себя. Веди меня к сараю.

Минъюэ накинула на неё верхнюю одежду, принесла грелку, а затем медленно отворила дверь.

Снаружи лунный свет лился, словно вода. Далекое озеро казалось черным, но в его водах мягко отражалось лунное сияние.

Она подняла голову: сегодня полнолуние. Совсем как в том сне. Она отвела взгляд, заставляя себя не вспоминать кошмар.

Затем, следуя за Минъюэ, она быстро направилась к деревянному сараю. Лунный свет освещал путь, позволяя разглядеть окрестности. Поместье герцога Чэнь славилось красотой своих садов: павильоны, террасы, горные и водные пейзажи — всё здесь подчеркивало знатность и древность этого рода. Когда она только переместилась сюда, то не могла не восхититься: в реальности всё выглядело куда более величественно, чем в её бледных описаниях.

Но сейчас ей было не до любования видами. Она хотела лишь поскорее встретить юношу, от одного сна о котором просыпалась в холодном поту, и попытаться развеять его ненависть, чтобы спокойно прожить отпущенное время в этом мире.

Однако прежняя Чэнь Таотао стремилась к изящной, хрупкой фигуре и годами морила себя диетами, из-за чего её нынешнее тело было слабым, а походка — неуверенной, будто она ступала по облакам.

— Барышня, мы пришли.

Чэнь Таотао глубоко вдохнула, готовясь морально, хотя видела этого опасного юношу уже не в первый раз.

Минъюэ распахнула дверь сарая. Внутри было темно, лишь лунный свет падал на спящее лицо юноши. Его черты были расслаблены, в них читалась невинность, кожа казалась нежной и белой. Если не обращать внимания на синяки и следы от плетей, зрелище было почти умиротворяющим.

— Ой, почему он снова побит?

— Барышня, на этот раз это не мы. Слуги из двора второй барышни сказали, что Чан Ань украл у них какую-то вещь, избили его и приволокли сюда.

— И ты, решив, что он позорит наш двор Нинси, связала его?

— Барышня, я...

— Ладно, ладно. Сначала разбуди его.

Минъюэ схватила стоявшее рядом ведро и с плеском вылила ледяную воду прямо на голову юноши.

Чэнь Таотао остолбенела. Она никак не ожидала, что у Минъюэ такие своеобразные методы пробуждения...

— А!

Юноша вздрогнул от неожиданности. В разгар зимы эта ледяная вода пробирала до костей. Он попытался вскочить, но, будучи крепко связанным, не смог даже сесть.

Чан Ань с ужасом смотрел на Чэнь Таотао и Минъюэ. В его глазах больше не было той детской невинности, что виделась во сне, но и той лютой ненависти, которая ждала её в будущем, пока тоже не проявилась. На смену им пришел животный страх.

Он тревожно взглянул на Чэнь Таотао, стоявшую спиной к лунному свету. Не в силах разглядеть выражение её лица и что-то осознав, он быстро опустил голову и замолчал.

Страх порождает ненависть — это нетрудно понять. В оригинале книги Чан Ань с того момента, как попал в двор Нинси, был одинок и терпел бесконечные издевательства. Он пытался сопротивляться, хотел разоблачить тьму, скрытую за внешним благополучием двора Нинси, но судьба Цайюнь и Чжуюэ была перед глазами. Кроме как влачить жалкое существование, ему оставалось лишь тихо умереть.

Он не помнил своего прошлого, у него не было ни семьи, ни друзей, никто не пришел бы ему на помощь. Постепенно он привык терпеть унижения и жить в бесконечном страхе. Лишь когда к нему вернулась память и боевые искусства, он осмелился больше не бояться и не подавлять свою ненависть. Человек, привыкший к роскоши, три года терпел подобные пытки! Только стерев двор Нинси с лица земли, он мог утолить свою жажду мести. Те, кто долго терпят, мстят жесточайшим образом!

Но сейчас он явно был ещё на стадии смирения. Всё ещё можно исправить! Чэнь Таотао не просила многого — лишь о том, чтобы в будущем он пощадил её. Это было её самым заветным желанием.

Чэнь Таотао вошла в комнату. Видя, как юноша пытается отползти назад, но не может пошевелиться, она невольно усмехнулась. Склонившись, она принялась развязывать узлы.

Глядя на то, как он дрожит от холода, а его губы сжаты в обиженную гримасу, она не могла не

признать, что наделила его прекрасной внешностью, вызывающей невольную жалость. Но что-то было не так: в книге он должен был пылать ненавистью и безысходным гневом, откуда же взялось это трогательное выражение?

Впрочем, это логично: он в Нинси всего полгода. Несмотря на все тяготы, в нем ещё теплится тень того невинного юноши, потерявшего память. Он ещё боится, но ненависть пока не захлестнула его. Глядя на его удивленный и растерянный взгляд, Чэнь Таотао, решив, что он выглядит как маленький глупыш, накинула на него свой плащ.

— Возвращайся в свою комнату.

Сказав это, она мягко улыбнулась. Чэнь Таотао показалось, что она была довольно добра и ласкова.

Но Чан Аню от этой улыбки стало холодно до костей. Ведь когда он впервые переступил порог двора Нинси, Чэнь Таотао точно так же улыбнулась ему, а затем произнесла самые отчаянные слова:

— С сегодняшнего дня ты — самый низкий слуга в моем дворе. Никому нельзя отдавать приказы, но каждый может тебя истязать. Тебе запрещено покидать двор Нинси хоть на шаг.

Беспричинная враждебность сбросила его в бездну.

Увидев эту улыбку снова, он невольно вспомнил тот день. Плотно закутавшись в плащ, он бросился бежать.

Улыбка застыла на губах Чэнь Таотао. Она растерялась, когда рядом раздался голос Минъюэ:

— Барышня, зачем вы его отпустили?

— Минъюэ, запомни: отныне никто в Нинси не смеет его обижать.

— Барышня, я не знаю, почему вы так решили, но разве вы забыли наставления господина? Что вы ему скажете?

Услышав, как Минъюэ упомянула её нынешнего отца, Чэнь Таотао охватила тревога.

И правда, как она могла забыть о своем отце — герцоге Чэнь, Чэнь Хуане!